

Говард Филлипс Лавкрафт

Поиски Иранона

(The Quest of Iranon)

По гранитному городу Телосу бродил молодой белокурый человек. Его волосы блестели от мирры и были украшены венком из свежих виноградных листьев, а тело покрывала пурпурная туника, порванная в некоторых местах горным вереском.

Жители Телоса, темнокожие, серьезные и степенные, жили в домах строгой квадратной формы. Они отличались подозрительностью и недоверчивостью, поэтому у каждого незнакомца интересовались, откуда он идет, куда держит путь, как его имя и какое у него состояние.

На все эти вопросы молодой человек отвечал так:

«Меня зовут Иранон. Родом я из далекого города Аиры, о котором у меня сохранились лишь смутные воспоминания, но в который я очень хочу опять вернуться. Мое призвание состоит в том, чтобы создавать красоту, сотканную из воспоминаний о моем детстве. Я пою гимны, которые выучил еще в моем родном городе. Мое богатство – это мои песни. В песнях, которые я исполняю по вечерам в саду, при неясном свете луны, когда легкий западный ветерок почти беззвучно колыхает лепестки лотоса, звучат мои надежды и мечты».

Услышав все это, почтенные жители гранитного города собрались на совет. Смех и песни были им незнакомы. Лишь иногда, весной, они позволяли себе обратить свой взор в сторону Картъенских холмов и подумать о лютнях и танцах, о которых слышали от немногочисленных путешественников, посещавших город. Только поэтому горожане благосклонно разрешили незнакомцу остаться и исполнить свои песни в саду перед Млинской башней, хотя им и не пришлось по душе ни яркий цвет его порванной туники, ни блестящие волосы, умасленные ароматической смолой, ни его золотой звонкий голос.

Вечером Иранон исполнял свои песни.

Какой-то подслеповатый старик утверждал, что видел ореол вокруг головы певца, когда тот пел свои песни. Но большинство жителей Телоса зевали от скуки. Одни смеялись, другие дремали: ведь в песнях Иранона не было ничего полезного или нравоучительного. Он пел только о своих воспоминаниях, надеждах и мечтах.

«Я помню сумерки, луну и сладкие песни, убаюкивающие меня. Из моего окна я видел улицу, наполненную золотистым светом, тени, вальсирующие на фоне мраморных домов. Я вспоминаю лунный квадрат на земле и исходящее от него сияние, призрачные фигуры, танцующие в лучах ночной звезды, когда моя матушка пела мне колыбельную песню.

Я помню яркое летнее солнце, взошедшее над цветистыми холмами. А еще я помню сладкий запах цветов, принесенный южным ветром, от которого начинали шелестеть деревья.

О, Аира, мой мраморный и берилловый город! Как многолики твои красоты! Как любил я твои ароматные и влажные рощи, расположенные на другом берегу благословенной реки Нисра. А эти каскады маленькой реки Кра, несущей свои воды в зеленую долину. В благодатных рощах дети плели гирлянды. И в сумерках под высоким горным деревом я предавался мечтам, созерцая огни города, раскинувшегося предо мной, и спокойные воды Нисры, похожей на ленту из ярких ночных звезд».

«В этом городе было множество мраморных дворцов с золотыми куполами, расписными стенами, с зелеными садами, украшенными лазурными бассейнами и хрустальными фонтанами. Я часто играл в этих волшебных садах, плескался в его хрустальных бассейнах. Под сенью деревьев среди бледных цветов я предавался сладким грезам. А иногда на закате солнца я не спеша поднимался по крутой улочке, ведущей к крепости, и оттуда смотрел и любовался тобой, о Аира, мой берилловый и мраморный город, великолепный и сияющий в своем роскошном золотом наряде.»

«Вот уже долгие годы я грущу о тебе, о Аира. Еще в юности я познал изгнание, но отец мой был твоим Королем, и я еще вернусь к тебе, потому что так предначертано мне Судьбой. Я ищу тебя во всех краях и однажды найду тебя и буду повелевать твоими лесами и садами, улицами и дворцами. Я буду петь для людей, которые поймут и оценят мои песни и будут слушать их без смеха. Потому что я – Иранон, принц города Аира».

В эту же ночь жители Телоса заперли незнакомца в хлеву. Утром архонт города пришел к Иранону и приказал ему отправляться в мастерскую сапожника и стать его учеником.

– Но я Иранон, певец, и я не чувствую в себе призвания быть сапожником, – ответил тот.

Все должны работать в нашем городе. Таков закон Телоса, – ответил ему архонт.

– Но зачем вы работаете? Чтобы жить и быть счастливыми, не так ли? А если вы работаете, чтобы работать еще больше, то когда обретете вы свое счастье? Разве жизнь сама создает красоту вокруг себя и слагает песни? И если среди вас не будет певцов, для чего тогда плоды вашего изнурительного труда? Работа без песен, все равно как долгий день без конца. Даже смерть кажется мне приятнее этого.

Но лицо архонта оставалось мрачным и суровым. Слова Иранона не дошли до его сердца, и он снова обратился к чужеземцу:

– Ты слишком любопытный и мне не нравятся твое лицо и голос. Твои речи наполнены богохульством, ведь боги нашего города учат нас, что работа – это благо, которое они даровали нам. Боги обещали нам светлый рай. После смерти мы обретем вечный покой, погрузимся в хрустальный холод, и тогда ум не будет обременен пустыми мыслями и думами, а глаза – бесполезной красотой. Или иди к Артоку-сапожнику, или уходи из нашего города до заката солнца. В нашем городе должны работать все. А занятие пением – это бесполезная глупость.

И тогда Иранон покинул хлев. Он шел по узким улицам, среди мрачных домов из гранита, в надежде увидеть хоть какое-то проявление жизни. Но все в этом городе было сложено из мертвого камня, а лица людей были враждебны и выражали упрек. Певец

вышел на каменную набережную тихой реки Зуро. Там сидел маленький мальчик с грустными глазами. Он задумчиво смотрел в воду, на поверхности которой плавали принесенные с холмов стремительным течением ветки с зелеными почками.

– Ты тот, о ком говорят архонты города? – спросил мальчик. – Тот, кто ищет красивый город в далекой стране? А меня зовут Ромнод. Я родился в Телосе, но никак не могу привыкнуть к этому гранитному городу. Каждый день я изнуряю себя мыслями о песнях, и далеких прекрасных пейзажах, о влажных рощах. За Картъенскими холмами есть город лютней и танцев. Это страна Онайя. Рассказы путешественников об этом городе пугающи и притягательны одновременно. Я отправился бы туда, если бы был достаточно взрослым, чтобы найти дорогу самому. Ты тоже должен пойти туда. В той стране люди будут слушать твои песни. Давай покинем эту гранитную темницу и пойдем вперед навстречу горам. Мы станем путешествовать вместе, а по вечерам под звездным небом у костра я буду слушать твои песни. Быть может, в Онайе, стране лютней и танцев, и находится твой светлый город Аира, который ты ищешь. Пойдем в Онайю, златовласый Иранон, туда, где люди смогут понять тебя. Они встретят нас как братьев, и там никто не засмеется и не нахмурит брови, услышав наши речи».

– Каков бы ни был тот город, малыш, раз ты стремишься к красоте, ты должен уйти отсюда и перейти через горы. Я не оставлю тебя чахнуть от тоски на берегу этой ленивой реки Зуро. Но не верь, что ты найдешь радость и понимание на другой стороне Картъенских холмов или дальше – ни на расстоянии одного дня пути, одного года или даже пяти лет пути. Послушай, что я тебе расскажу. Когда я был такой же маленький, как ты сейчас, я жил в долине Нартос, рядом с холодной рекой Ксари, где никому не было дела до моих мечтаний. Когда я стану большим, говорил я себе, я отправлюсь в Синару, на юг, и там на рыночной площади буду петь свои песни для веселых погонщиков верблюдов. Но когда, наконец, я прибыл в Синару, то увидел лишь пьяных и развязных людей. И песни их ие были похожи на мои. Потом я путешествовал на лодке по реке Ксари, достиг города Ярен, стены в котором сложены из оникса. И там местные солдаты смеялись надо мной и всячески издевались. Я бродил по городам. Видел Стелос, укрывшийся под большим водопадом, созерцал болото, где когда-то возвышался Сарнат, посетил Траа, Иларнек и Кадетеррн на берегу извилистой реки Аи. Я также долго жил в Олатое, что в стране Ломар. Если иногда боги и посылали мне слушателей, то всегда многочисленных. Но я знаю, что найду счастье только в Аире, городе из мрамора и берилла, где отец мой был тогда королем. Мы пойдем с тобой в далекую страну Онайю, за Картъенские холмы. Быть может там и находится Аира, хотя я и не верю в это. Ведь красота этого города превосходит все границы воображения и вызывает восхищение. И совсем другое дело страна Онайя, о которой погонщики верблюдов говорят с двусмысленной улыбкой.

На закате солнца Иранон и малыш Ромнод покинули Телос и отправились в долгий путь по зеленым холмам и молодым лесам. Дорога была длинной и изнурительной и, казалось, что она никогда не приведет путешественников в Онайю, страну лютней и танцев. Каждый вечер, когда звезды зажигались на небе, Иранон пел об Аире и его красоте, а Ромнод с восторгом слушал эти песни. Вдвоем они чувствовали себя счастливыми.

В пути друзья питались фруктами и ягодами, которые в изобилии росли в лесах. Шло время, и ни один из них не заметил, как быстро течено пробежали годы. Малыш Ромнод давно уже стал взрослым, его голос окреп и не был уже таким звонким как в детстве. Но сам Иранон совсем не изменился и не постарел. Его золотые волосы, смазанные ароматической смолой, по-прежнему украшал венок из свежих виноградных листьев.

И вот однажды Ромнод стал выглядеть старше Иранона, хотя тогда, много лет назад, когда его, смотрящего на мутные воды реки Зуро, впервые увидел Иранон, он был еще ребенком.

В одну из ночей, поднявшись во мраке на вершину холма, путешественники увидели внизу перед собой мириады огней Онаи. Местные крестьяне подтвердили, что это действительно Онайя, страна лютней и танцев. Но Иранон знал, что перед ним ее Аира, не его родной город. Огни города, в который они прибыли, были резкими, тогда как огни Аиры переливались мягко и загадочно, как отблески лунного света на земле у окна, возле которого мать Иранона пела для него колыбельные песни.

Иранон и Ромнод спустились с крутого холма и отправились в город на поиски слушателей своих песен, мечтая доставить им удовольствие. Войдя в город, они обратили внимание на слоняющихся от дома к дому праздных гуляк с гирляндами из роз вокруг шеи. Именно они стали первыми слушателями Иранона и забросали его цветами едва он закончил свою песню. И тогда, на одну минуту, Иранон поверил, что наконец встретил людей, близких ему по духу, которые могли думать и чувствовать так же, как он.

На рассвете Иранон посмотрел вокруг себя с грустью: купола Онаи не отливали золотом, напротив, они были серыми и мрачными. Город не мог сравниться по красоте с Аирой. Лица жителей были мертвенно-бледными из-за постоянных разгулов и оргий, опухшими от злоупотребления вином. Они не напоминали радостные и сияющие от счастья лица жителей Аиры. Но поскольку все эти люди встречали его песни цветами и аплодисментами, Иранон решил остаться в городе. Он сделал это еще и ради своего друга, который обожал атмосферу постоянного праздника. Ромнод стал украшать свои волосы розами, как это делали коренные жители города.

По ночам Иранон исполнял свои песни и гимны для беззаботных прожигателей жизни. Он совсем не изменился. Все так же в венке из виноградных листьев он мечтал в своих песнях, о мраморных улицах Аиры, о прозрачной, как хрусталь, реке Нисра.

Однажды Иранон выступал в роскошном королевском дворце под хрустальным сводом. Он пел с таким чувством, что смог пробудить в пьяных сотрапезниках монарха с багровыми лицами воспоминания о прекрасном, добром и давно забытому Король попросил Иранона снять рваную пурпурную тунику в одел его в атлас и парчу, даровал ему нефритовые кольца и браслеты из крашеной слоновой кости. Он поселил его в роскошной, убранной коврами комнате с золочеными стенами, с кроватью из резного дерева, с шелковым покрывалом, вышитым цветами. Так Иранон остался в Онае, стране лютней и танцев. Никто не знает, сколько времени пробыл он там. Но однажды король пригласил во дворец танцоров из пустыни Лирани и смуглых музыкантов-флейтистов. В этот вечер беззаботные гуляки бросали Иранону намного меньше роз, чем танцорам и музыкантам-флейтистам. Постепенно Ромнод, бывший когда-то мальчиком из

гранитного города Телоса, начал полнеть и часто хмелел от выпитого вина. Он стал меньше мечтать и уже без прежнего удовольствия слушал песни своего друга и учителя. Но, несмотря на свою грусть и печаль, Иранон продолжал петь песни и мечтать об Аире, городе из мрамора и берилла.

Однажды ночью Ромнод, грузный и отяжелевший, с лицом, багровым от вина, неслышно угас на своих шелковых подушках. Он умер, когда Иранон тихо пел для себя самого гимны, сидя в темном углу.

Оплакав своего друга и убрав его могилу летками с зелеными почками, которые когда-то так ему нравились, Иранон снял дорогую одежду и украшения, облачился в свою пурпурную тунику и венок из виноградных листьев и незаметно для всех под покровом ночи покинул Онаю, страну лютней и танцев.

Иранон вновь отправился на поиски своего родного города и людей, которые смогли бы понять и полюбить его песни и мечты.

Во всех городах Сидасрии и Бназии дети с плутоватыми и наглыми лицами смеялись над его песнями и его рваной туникой; Иранон по-прежнему оставался молодым и все так же посвящал песни Аире, волшебному городу своих мечтаний и грез.

Поздней ночью он зашел в нищую и убогую лачугу старого пастуха, сгорбленного под тяжестью лет. Он всю жизнь пас баранов на каменистом склоне, возвышающемся над болотом из зыбучих песков. Иранон обратился к нему с вопросом, как делал это уже много раз:

– Можешь ты мне сказать, где находится Аира, мраморный и берилловый город, с прозрачной, как хрусталь, рекой Нисра?

Услышав эти слова, пастух долго смотрел на Иранона, словно вспоминая о чем-то давнем и забытом. Он пристально разглядывал каждую черточку на лице Иранона, изучал его золотые волосы с венком из виноградных листьев, его пурпурную мантию. Потом ответил, качая головой:

– О чужеземец! Я много слышал об Аире и других названиях, которые ты произнес сейчас, но с тех пор прошло много лет. Я слышал об этом удивительном городе еще в юности от моего друга детства, сына нищего, который всегда говорил странно и непонятно. Он сочинял длинные рассказы о луне, о цветах и западном ветре. Мы смеялись над ним и над его пустыми историями, потому что знали о его настоящем происхождении, хотя он и называл себя сыном короля Аиры. Он был красив, как и ты. Мы считали его немного сумасшедшим. Он ушел совсем молодым, чтобы найти людей, которые бы слушали его песни с удовольствием. Сколько раз он пел мне о далеких странах, которые никогда не существовали в действительности. Он много говорил об Аире, о реке Нисра, о каскаде Кра. Говорил, что правил этими странами, хотя мы знали о нем всю правду. Ведь никогда на Земле не существовало города из мрамора и берилла, называемого Аирой, не было людей, которые испытывали бы радость, слушая эта странные и непонятные песни, кроме друга моего детства, Иранона, который исчез.

И тогда в сумерках ночи, когда одна за другой появляются на небе звезды, а луна

излучает на болото свой блеклый свет, похожий на тот, который видит из окна младенец, убаюкиваемый матерью, глубокий старик в порванной пурпурной тунике с венком из жухлых и засохших листьев винограда бросился в несущие смерть зыбучие пески. При этом он смотрел прямо вперед, словно перед его взором вставали золотые купола прекрасного и манящего города, где люди смогли бы понять его песни.

В ту ночь прекрасная сказка молодости и красоты античного мира исчезла навсегда.

Перевод: А. Мороз, Г. Кот

1992 год